

В. А. Томсинов
Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):
государственный деятель и правовед
Часть 14.

Процесс Бухарина (2 – 13 марта 1938 г.).
Итоги московских открытых процессов 1936–1938 годов
Опубликовано:

Журнал «Законодательство».

2021. № 12. С. 76–83. 2022. № 1. С. 87–94. № 2. С. 87–94

1

Рассмотрение Военной коллегией Верховного Суда СССР 8 и 9 марта 1938 года обвинения в осуществлении террористических актов против С.М. Кирова, В.Р. Менжинского, В.В. Куйбышева и А.М. Горького завершило судебное следствие на процессе по делу антисоветского право-троцкистского блока. 10 марта судебных заседаний не проводилось, хотя этот день пришелся на четверг. Перерыв в процессе, скорее всего потребовался для доработки обвинительной речи, которую на утреннем заседании 11 марта должен был произнести прокурор СССР А.Я. Вышинский.

В передовой статье вышедшего 10 марта 1938 года номера газеты «Правда» было объявлено: «На процессе антисоветского «право-троцкистского блока» закончен допрос подсудимых. В течение семи дней в открытых заседаниях, в присутствии рабочих, колхозников, деятелей советской интеллигенции, перед лицом всего мира, суд подробно и тщательно, на основе документальных данных и показаний подсудимых и свидетелей, разобрал тягчайшие преступления банды фашистских заговорщиков — Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского и других.

Судебное следствие установило глубочайшую правдивость и полнейшую обоснованность обвинительного заключения»¹.

Выступая на следующий день с обвинительной речью, Вышинский старался прежде всего убедить своих слушателей в том, что выдвинутые против подсудимых обвинения были полностью подтверждены допросами подсудимых и свидетелей. «Историческое значение этого процесса, — утверждал он, — заключается раньше всего в том, что на этом процессе с **исключительной тщательностью и точностью показано, доказано, установлено**, что *правые, троцкисты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты* и так далее и тому подобное являются не чем иным, как *беспринципной, безыдейной бандой убийц, шпионов, диверсантов и вредителей*»² (выделено мной. — В.Т.).

Для придания этому выводу большей убедительности Андрей Януарьевич привел следующее высказывание Сталина о вредителях,

¹ Цепь чудовищных преступлений // Правда. 1938. № 68 (7393). 10 марта. С.1.

² Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2-13 марта 1938 г. Полный текст стенографического отчета. М., 1938. С. 551.

диверсантах, шпионах: «Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т. д. Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родине. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений»³.

Государственный обвинитель не указал, из какого источника взял это высказывание, — он лишь заметил, что Сталин говорил так «ровно год назад». Иосиф Виссарионович действительно примерно год назад высказывал свое мнение о вредителях, диверсантах, шпионах, и не где-нибудь, а на Пленуме ЦК ВКП (б) в последний день его работы 5 марта 1937 года. Согласно стенографической записи речи, на самом деле Сталин сказал: «Следующий вопрос — о вредителях, диверсантах и о всех других агентах троцкистского и нетроцкистского типа, иностранных государств. Я думаю, что все товарищи поняли и осознали, что эта порода людей, — каким бы флагом она не маскировалась, троцкистским или бухаринским, нам все равно, — эта порода людей не имеет ничего общего с каким бы то ни было политическим течением в рабочем движении. Это оголтелая банда наемных убийц, диверсантов, шпионов, вредителей и т.д. и т.д.»⁴.

Вышинский процитировал высказывание Сталина о вредителях, диверсантах, шпионах в том варианте, в котором оно было опубликовано 1 апреля 1937 года в газете «Правда»⁵. При этом Андрей Януарьевич сократил его, исказив тем самым подлинный смысл сталинских слов.

В действительности Сталин не зачислял всех троцкистов и бухаринцев в категорию вредителей, диверсантов, шпионов и не призывал к расправе над всеми сторонниками Троцкого и Бухарина. Он выступал против огульного обвинения в антигосударственных преступлениях тех, кто когда-либо состоял в политической оппозиции. Процитированное Вышинским высказывание

³ Там же.

⁴ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 5 марта. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 12.

⁵ Заключительное слово товарища Сталина на Пленуме ЦК ВКП (б) 5 марта 1937 г. // Правда. 1937. № 90 (7056). 1 апреля. С. 2.

Сталина в том варианте, в котором оно было опубликовано в «Правде», завершалось следующим тезисом, не приведенным в обвинительной речи: «Как практически осуществить задачу разгрома и выкорчевывания японо-германских агентов троцкизма? Значит ли это, что надо бить и выкорчевывать не только действительных троцкистов, но и тех, которые когда-то колебались в сторону троцкизма, а потом, давно уже, отошли от троцкизма, не только тех, которые действительно являются троцкистскими агентами вредительства, но и тех, которые имели когда-то случай пройти по улице, по которой когда-то проходил тот или иной троцкист? По крайней мере такие голоса раздавались здесь на пленуме. Можно ли считать такое толкование резолюции правильным? Нет, нельзя считать правильным. В этом вопросе, как и во всех других вопросах, необходим индивидуальный, дифференцированный подход. Нельзя стричь всех под одну гребенку. Такой огульный подход может только повредить делу борьбы с действительными троцкистскими вредителями и шпионами»⁶.

Это высказывание Сталина не подтверждало сделанный Вышинским вывод о том, что *«правые, троцкисты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты и так далее и тому подобное являются не чем иным, как беспринципной, безыдейной бандой убийц, шпионов, диверсантов и вредителей»*.

Из стенографической записи заключительной речи Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП (б) отчетливо видно, что в действительности Сталин заговорил о борьбе с вредителями, диверсантами, шпионами для того, чтобы предостеречь партийных секретарей от превращения ее в жестокую произвольную расправу над всеми бывшими троцкистами. Он сказал, в частности: «Я боюсь, что в речах некоторых товарищей скользила мысль о том, что давай теперь направо и налево бить всякого, кто когда-либо шел по одной улице с каким-либо троцкистом или кто когда-либо в одной общественной столовой где-то по соседству с троцкистом обедал. Давай теперь бить направо и налево. Это не выйдет, это не годится. Среди бывших троцкистов у нас имеются замечательные люди, вы это знаете, хорошие работники, которые случайно попали к троцкистам, потом порвали с ними и работают, как настоящие большевики, которым

⁶ Там же.

завидовать можно. Одним из таких был товарищ Дзержинский⁷. (*Голос с места. Кто?*) Товарищ Дзержинский, вы его знали. Поэтому, громя троцкистские гнезда, вы должны оглядываться, видеть кругом, дорогие товарищи, и бить с разбором, не придираясь к людям, не придираясь к отдельным товарищам, которые когда-то, повторяю, случайно по одной улице с троцкистом проходили»⁸.

Называя в обвинительной речи «право-троцкистский блок «бандой убийц, шпионов, диверсантов и вредителей», Вышинский подчеркивал, что троцкисты и бухаринцы не являются политической партией или политическим течением, а представляют собой преступное сообщество. «Так называемый “право-троцкистский блок”, — заявлял он, — это организация шпионажа, диверсий, вредительства, политических убийств и распродажи своей родины врагам. У блока нет ничего идейного, ничего, так сказать, “духовного”, ничего идеологического»⁹. Стремление Вышинского представить бывших большевистских вождей не политическими деятелями, а уголовными преступниками, совершившими тяжкие преступления, выражало его желание показать, что процесс над ними является не политическим судилищем, а уголовным судом. Это необходимо было сделать прежде всего для того, чтобы опровергнуть распространявшиеся на Западе целым рядом политиков и журналистов, но главным образом Троцким и его сторонниками мнения о процессе по делу об антисоветском право-троцкистском блоке как об устроенной Сталиным открытой политической расправе над своими противниками. Вместе с тем, настаивая на том, что данный блок не политическая организация, а банда уголовных преступников, государственный обвинитель пресекал попытки подсудимых представить преступные деяния, в совершении которых они признавались, всего лишь идеологическими заблуждениями. Подобную тактику наиболее активно использовал в ходе судебного процесса вождь правых. «Бухарин пытался здесь весь кошмар своих гнусных преступлений, — говорил в обвинительной речи Вышинский,

⁷ Сталин мог бы к этому добавить, что в начале 1920-х годов сторонником Троцкого и Бухарина являлся и секретарь ЦК ВКП (б) Андрей Андреевич Андреев, который не просто присутствовал на февральско-мартовский Пленуме ЦК ВКП (б), но и вел его заседания.

⁸ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. 5 марта. Вечернее заседание. С. 12.

⁹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 551.

— свести к каким-то “идейным установкам”, о которых он пробовал говорить длинные и напыщенные речи... Свою собственную роль в этой банде Бухарин пробовал изобразить, как роль “теоретика”»¹⁰. В подтверждение этих слов прокурор СССР привел показания самого Бухарина, в которых тот заявлял, что занимался в право-троцкистской организации главным образом «проблематикой общего руководства и идеологической стороной», хотя это не исключало его «осведомленности относительно практической стороны дела» и принятия с его стороны целого ряда «практических шагов»¹¹.

Бухарин действительно был склонен к философствованию и именно роль теоретика, идеолога считал наиболее подходящей для себя ролью во всех оппозиционных группировках, в которые когда-либо входил. Об этом свидетельствуют его книги и статьи. Теоретическими разработками Николай Иванович занимался даже во время своего пребывания под арестом¹². Однако Вышинский эти факты не принял во внимание и философствование Бухарина в показаниях на судебном процессе представил ширмой, за которой подсудимый хотел укрыться от своего окончательного разоблачения. «Философия и шпионаж, философия и вредительство, философия и диверсии, философия и убийства — как гений и злодейство — две вещи не совместные! — патетически восклицал он, — Я не знаю других примеров, — это первый в истории пример того, как шпион и убийца орудует философией, как толченым стеклом, чтобы запорошить своей жертве глаза перед тем, как разmozжить ей голову разбойничьим кистенем!»

Порицая Бухарина за его попытки идеологизировать судебный процесс, Вышинский между тем выступал в своей обвинительной речи больше как **идеолог**, а не юрист. Он обращался не только к судьям и подсудимым, но и к публике, присутствовавшей в зале суда, и к обществу в целом, стараясь вызвать у советских людей неприязнь, даже ненависть к обвиняемым.

Однако прокурор СССР не мог игнорировать юридические элементы данного процесса и среди них в первую очередь способы установления самого факта совершения подсудимыми преступных деяний, технологию доказывания их виновности в преступлениях. Он хорошо понимал, что

¹⁰ Там же. С 552.

¹¹ Там же.

¹² См.: Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. М., 2008.

главный юридический вопрос судебного процесса — это вопрос о том, доказаны ли и в какой степени совершенные обвиняемыми преступления.

Сам Вышинский отвечал на этот вопрос положительно и выражал уверенность, что и товарищи судьи ответят на него в судебном приговоре положительно. Совершенные обвиняемыми преступления доказаны, внушал он, «доказаны признанием самих подсудимых, доказаны свидетелями, прошедшими перед судом, доказаны заключением медицинской экспертизы, доказаны вещественными доказательствами. Вся совокупность доказательств, мыслимых в уголовном процессе, имеется здесь, сейчас в распоряжении суда. На основании этих доказательств суд сумеет определить свое окончательное решение о степени виновности того или иного преступника, совершившего эти преступления»¹³.

Перечислив использованные в процессе способы доказывания, Вышинский счел необходимым отметить, что «есть еще одно важнейшее доказательство, это — сама логика обстоятельств дела»¹⁴.

В доказывании выдвинутых против подсудимых обвинений Вышинский опирался, как правило, на их собственные показания или сведения, сообщенные свидетелями. Но обвинения, которые не находили в этом материале прямого подтверждения, Вышинский считал вполне возможным обосновывать просто логикой рассуждений. В таких случаях он нередко придавал выводам, которые были только предположениями, характер категорического силлогизма, установленного события или факта. Пример с выдержками из японских газет показывает, как применялись им ухищрения такого рода.

«О систематическом обслуживании заговорщиками из “правотроцкистского блока” иностранных разведок мы имеем достоверные сведения», — утверждал Вышинский в обвинительной речи. На каком основании он делал этот вывод? — Оказывается, в январе 1937 года в печатном органе министерства иностранных дел Японии газете «Джапан Таймс» появилась передовая статья, в которой было сказано: «То, что обе страны — Германия и Япония — естественно стремятся получить всякую информацию о СССР, могущую иметь военную ценность, должно быть принято, как факт. Если бы они не делали этого, то были бы дураками и не выполняли бы своего долга

¹³ Там же. С. 611.

¹⁴ Там же.

перед государством и страной. Возможность вооруженного столкновения с Советским Союзом когда-то в будущем не может быть с уверенностью исключена, хотя надо надеяться, что этого не произойдет. Поэтому, государства, перед которыми стоит такая перспектива, обязаны готовиться всеми возможными способами для обеспечения победы при столкновении». 20 февраля 1937 года токийская газета «Миако» опубликовала сообщение о секретном заседании так называемой планово-бюджетной комиссии японского парламента, во время которого депутат Иосида обратился с запросом к военному министру генералу Сугияма: «Известна ли ему и армии провозоспособность Сибирской железной дороги». Министр в ответ сказал, что провозоспособность Сибирской железной дороги им известна, поскольку они получают систематически сведения о пропускной способности Сибирской железной дороги «от имеющих в России элементов, находящихся в оппозиции к нынешнему Советскому правительству. Через них в Японии получают сведения о Сибирской железной дороге».

Прочитав эти газетные сообщения, Вышинский обрушился на подсудимых: «Вы хотите, господа обвиняемые, иметь, кроме ваших показаний, доказательства вашей преступной провокаторской, шпионской, разведывательной работы? Ищите эти доказательства на страницах органа министерства иностранных дел Японии, на страницах токийской газеты»¹⁵.

На основании приведенных Вышинским выдержек из авторитетных японских газет можно было сделать вывод о том, что командование японской армии имеет в Советском Союзе сеть информаторов, передающих в Японию важные стратегические сведения о советском экономическом потенциале. Но из этих газетных сообщений совсем не вытекало, что данными информаторами являлись троцкисты и бухаринцы и тем более лица, сидевшие в марте 1938 года вместе с Бухариным на скамье подсудимых.

Подводя итоги судебного процесса, Вышинский отметил, что «все обвиняемые изобличены в том, что в 1932–1933 годах они по заданию разведок иностранных государств составили заговорщическую группу под названием “право-троцкистский блок”, поставившую своей целью совершение преступлений»¹⁶. По его мнению, в ходе судебного следствия было полностью доказано:

¹⁵ Там же. С. 586.

¹⁶ Там же. С. 613.

1) Что «этот блок состоял из агентов разведок некоторых иностранных государств» и «поддерживал систематические незаконные отношения с некоторыми иностранными государствами в целях получения от них помощи для осуществления своих преступных замыслов, для свержения Советской власти и для установления в СССР власти помещиков и капиталистов».

2) Что право-троцкистский блок «систематически занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая их разведки важнейшими государственными секретными материалами.

3) Что право-троцкистский блок систематически осуществлял в указанных выше целях «вредительские и диверсионные акты в различных отраслях нашего народного хозяйства — в области промышленности, сельского хозяйства, финансов, коммунального хозяйства, на железных дорогах и так далее».

4) Что право-троцкистский блок организовал ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства: С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, а также «осуществил умерщвление» писателя А. М. Горького и его сына М. А. Пешкова.

5) Что «блок организовал, но не успел, к нашему счастью, осуществить ряд террористических актов против руководителей нашей партии и правительства»¹⁷.

Вышинский коснулся в обвинительной речи всех основных эпизодов уголовного дела, но наибольшее внимание уделил связям подсудимых с враждебно-настроенными кругами западных стран, и в особенности с представителями фашистских государств Германии и Японии.

В своих показаниях на суде Бухарин говорил: «Суд и общественное мнение нашей страны, как и общественное мнение других стран, поскольку речь идет о прогрессивном человечестве, смогут судить, как люди дошли до такой степени, как мы все превратились в ожесточенных контрреволюционеров, в изменников социалистической родине, как мы превратились в шпионов, террористов, реставраторов капитализма и какие, в конце концов, идеи, политические установки “право-троцкистского блока”. Мы пошли на предательство, преступление, измену. Но во имя чего мы пошли на это дело? Мы превратились в повстанческий отряд, организовывали террористические группы, занимались вредительством,

¹⁷ Там же.

хотели опрокинуть столь доблестное руководство Сталина, Советскую власть пролетариата»¹⁸.

Прочитывая в обвинительной речи это признание Бухарина¹⁹, Вышинский заметил: «Бухарину к этому надо было добавить: “Мы превратились в полицейское отделение японо-германской разведки, мы превратились в бесстыдных торговцев родиной”. Блок — это агентура иностранных разведок. Члены блока и его руководители вроде Троцкого, который не сидит здесь на скамье подсудимых, Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского, Розенгольца и рядовые его члены вроде Зубарева, Максимова-Диковского и других — это рабы этих разведок, это невольники своих хозяев»²⁰. Судебное следствие со всей очевидностью показало, говорил прокурор СССР, что право-троцкистский блок — «это лишь передовой отряд международного фашизма, это свора палачей и подпольных убийц, при помощи которых орудует фашизм в разных странах, в первую очередь в Испании и Китае»²¹. «Перед всем миром разоблачается теперь презренная предательская, бандитская деятельность Бухаринных, Ягод, Крестинских, Рыковых и прочих право-троцкистов. Они продавали родину, торговали военными тайнами ее обороны, они были шпионами, диверсантами, вредителями, убийцами, ворами, — и все для того, чтобы помочь фашистским правительствам свергнуть Советское правительство, свергнуть власть рабочих и крестьян, восстановить власть капиталистов и помещиков, расчленив страну советского народа, отторгнуть национальные республики и превратить их в колонии империалистов»²².

Направленность обвинительной речи Вышинского на разоблачение не просто заговорщиков, но заговорщиков, действующих в интересах иностранных государств, главным образом Германии и Японии, в полной мере соответствовала глубинному смыслу проходившего в первой половине марта 1938 года показательного судебного процесса по делу антисоветского право-троцкистского блока. Данный процесс в самой жестокой, но яркой и убедительной форме осуждал **предательство, измену родине, сотрудничество с иностранными разведками**. Он был судебным спектаклем,

¹⁸ Там же. С. 339–340.

¹⁹ Там же. С. 552.

²⁰ Там же. С. 553.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 555–556.

готовившим сознание советского общества к отражению военной агрессии фашистских государств. Именно поэтому те, кто играл роли подсудимых в этом спектакле, именовались предателями, изменниками, шпионами, хотя обвинялись они не только в этих преступлениях. Именно поэтому смертный приговор суда в отношении них представлялся **требованием всей страны**. «Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продававших врагу нашу родину, расстрелять, как поганых псов!» — заявил Вышинский в конце обвинительной речи.

На вечернем заседании 11 марта 1938 года выступили члены Московской коллегии защитников И.Д. Брауде и Н.В. Коммодов. Они должны были защищать подсудимых Левина, Плетнева и Казакова, которые обвинялись в том, что по прямому заданию Г.Г. Ягоды вредительскими методами лечения умертвили Менжинского, Куйбышева, Горького и Пешкова. Адвокаты призвали суд не ставить врачей Левина, Плетнева и Казакова в один ряд с другими подсудимыми, как ни тяжелы их личные преступления.

Защитник Брауде пытался убедить судей, что «Левин был психически терроризован Ягодой и что этим объясняется и та роль, которую он сыграл в этих кошмарных убийствах», что именно руководители «право-троцкистского блока» являются подлинными убийцами, что «в своих гнусных целях они сделали убийцами людей, которые чужды их преступным взглядам, их преступной деятельности. Искусство старого врача в деле помощи страждущему человечеству они превратили в орудие смерти в его руках. Не встречая их, Левин спокойно дожил бы свои последние годы, оказывая помощь страждущим»²³. В связи с этим Брауде делал вывод: «Левин должен остаться жить, хотя и должен понести тягчайшее наказание»²⁴.

Адвокат Коммодов заявил, что его подзащитных наказание уже настигло. «Может быть, — обращался он к суду, — у меня нет тех нужных слов, которые дали бы вам возможность почувствовать весь ужас пережитых Плетневым и Казаковым минут. Если бы они у меня нашлись, я бы несколько не беспокоился за их жизнь. Ужас часто не в том, что делает человек, а в том, чем он становится после этого. Чем они стали после этой минуты падения? Прежде чем они стали убийцами других, они нравственно убили себя. Это — минута, которая убила их самих. Они совесть свою, совесть врача, сделали

²³ Там же. С. 619.

²⁴ Там же.

черной, как совесть тирана, они забрызгали грязью невероятных преступлений имя профессора, они опозорили ореол ученого, они имя человека раздавили»²⁵. Вряд ли Коммодов надеялся смягчить участь подзащитных, тем не менее он постарался найти проникновенные слова для выражения своей просьбы. «Мы верим, товарищи судьи, — сказал он, — что вы учтете эти наши доводы защиты и, несмотря на ряд кошмарных, неслыханных, чудовищных преступлений Плетнева, Казакова и Левина, найдете возможным сохранить им жизнь. И если им суждено жить, после вашего приговора, то пусть они помнят слова одного деятеля Великой французской революции, который сказал: “Милосердие тоже может быть оскорблено, если оно дается недостойным”. Их задача заключается в том, чтобы остатком жизни своей доказать, что они достойны были того милосердия, которое вы им оказали. Они признали себя виновными. Они говорили: “Мы раскаиваемся”. И я верю им, товарищи судьи. Горе не носит маски»²⁶.

После выступления защитников начались слушания последнего слова подсудимых. Можно лишь предположить, какую человеческую драму переживали эти люди. Девять из них отказались просить судей о каком-либо смягчении приговора (*Бессонов, Гринько, Чернов, Рыков, Шарангович, Зеленский, Розенгольц, Бухарин, Буланов*). Не просил о пощаде выступавший первым С.А. Бессонов, хотя Вышинский в обвинительной речи сказал, что в отношении него можно ограничиться двадцатью пятью годами тюремного заключения, поскольку «его роль ограничивалась ролью связиста, которая хотя также преступна, но по всему своему существу должна оцениваться иначе, чем преступления основных обвиняемых по этому делу»²⁷.

«Преступления мои велики и чудовищны. Любое наказание, которое суд сочтет необходимым вынести мне, не может покрыть эти преступления»²⁸, — сказал, завершая свое последнее слово М.А. Чернов. А.И. Рыков не просил о пощаде, хотя постарался предельно убедительно показать суду, что раскаялся. «Я хочу, — заявил он в последнем слове, — чтобы, во-первых, мои бывшие единомышленники знали, что я всех, кто сохранился на моей

²⁵ Там же. С. 628.

²⁶ Там же. С. 628–629.

²⁷ Там же. С. 613.

²⁸ Там же. С. 638.

памяти, как это принято выражаться в подпольи²⁹, выдал, всех разоблачил. Я хочу, чтобы те, кто еще не разоблачен и не разоружился, чтобы они немедленно и открыто это сделали»³⁰. «Мне ничего не нужно ни от суда, ни от людей. Я не хочу и не могу допустить ни одного слова неправды в этом моем последнем обращении к людям», — попрощался с жизнью в своем последнем слове А.П. Розенгольц.

Двенадцать подсудимых просили о пощаде или смягчении приговора (*Иванов, Крестинский, Зубарев, Ходжаев, Икрамов, Раковский, Левин, Ягода, Крючков, Плетнев, Казаков, Максимов-Диковский*).

Н.И. Крестинский закончил свое выступление следующим обращением к судьям: «Я прошу вас вспомнить о прежней моей действительной революционной работе, поверить мне, что я за эти девять месяцев коренным образом изменился, и, пощадив мне жизнь, дать мне возможность в любой форме хотя бы частично искупить мои тяжелые преступления»³¹.

Вышинский в обвинительной речи предложил назначить Х.Г. Раковскому тюремное заключение на срок в 25 лет. Но Христиан Георгиевич, посчитав, что не переживет в силу возраста (ему было 64 года) это наказание, просил суд сообразовать свое решение с «физиологическими пределами обвиняемого».

Самая оригинальная просьба о смягчении приговора была высказана в последнем слове Г.Г. Ягодой. «Граждане судьи! — сказал бывший нарком внутренних дел. — Наши законы, наш суд резко отличаются от законов и суда всех буржуазных стран. Я вспоминаю, как министр юстиции Германии Фрик на одном из заседаний судей заявил: “Законы фашистских стран — это законы мщениия, а не исправления”. Наши законы построены на другом принципе, наш суд является другим судом. Советский суд отличается от буржуазных судов тем, что он, суд, рассматривая преступления, опирается на законы не как на догму, а руководствуется революционной целесообразностью. Страна наша могуча, сильна как никогда, очищена от шпионов, диверсантов, террористов и другой нечисти, и я прошу вас, граждане судьи, при вынесении мне приговора учтите, есть ли революционная целесообразность в моей казни теперь. Я бы не смел просить

²⁹ Так в оригинале. — В.Т.

³⁰ Там же. С. 654.

³¹ Там же. С. 649.

о пощаде, если бы не знал, что данный процесс является апофеозом разгрома контрреволюции, что страна уничтожила все очаги контрреволюции и Советская страна выиграла, разбила контрреволюцию наголову. То, что я и мои сопроцессники сидим здесь на скамье подсудимых и держим ответ, является триумфом, победой советского народа над контрреволюцией. Я обращаюсь к суду с просьбой: если можете, простите»³².

Только двое из подсудимых попытались опровергнуть или подвергнуть сомнению некоторые из выдвинутых против них обвинений — Г.Г. Ягода и Н.И. Бухарин.

Ягода отрицал, что входил в руководящий центр «право-троцкистского блока». «Я не принимал участия в решениях блока, — говорил он в последнем слове. — Я не принимал участия в этом, и я не принимал участия в решении о террористических актах. Меня ставили в известность постфактум и предлагали исполнять решения. Это во всех случаях выносилось без меня»³³. Не принял Ягода и обвинения в шпионаже, твердо заявив: «Прокурор безапелляционно считает доказанным, что я был шпионом. Это неверно. Я — не шпион и не был им. Я думаю, что в определении, что такое шпион или шпионаж, мы не разойдемся. Но факт есть факт. У меня не было связей непосредственно с границей, нет фактов непосредственной передачи мною каких-либо сведений. И я не шутя говорю, что если бы я был шпионом, то десятки стран могли бы закрыть свои разведки — им незачем было бы держать в Союзе такую массу шпионов, которая сейчас переловлена»³⁴. Отрицал бывший нарком и обвинение в соучастии в убийстве Кирова. «Я совершил тягчайшее служебное преступление, — признавал он, — это да. Я отвечаю за него в равной мере, но я — не соучастник. Соучастие, гражданин Прокурор, вы так же хорошо знаете, как и я, — что это такое. Всеми материалами судебного следствия, предварительного следствия не доказано, что я — соучастник этого злодейского убийства»³⁵. Сделав эти заявления, Генрих Григорьевич заметил: «Мои возражения по этим моментам не являются попыткой ослабить значение моих преступлений. Моя защита и не имела бы здесь никакого практического значения, ибо за каждую миллионную часть моих

³² Там же. С. 696.

³³ Там же. С. 695.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

преступлений, как говорит прокурор, он требует моей головы. Свою голову я положил и отдаю, но я хочу уменьшить свою огромную задолженность перед прокурором»³⁶.

Самые серьезные возражения против ряда обвинений высказал Н.И. Бухарин. Его последнее слово, произнесенное на вечернем заседании 12 марта 1938 года, было настоящей защитительной речью. Николай Иванович находился в сложном положении, поскольку и на предварительном следствии, и в зале суда признал свою вину в большинстве преступлений, которые ему вменялись государственным обвинителем. Отказываться от своих показаний он не захотел, но постарался придать своей виновности, которую признал, и деяниям, в совершении которых его обвиняли, особый смысл, не укладывающийся в нормы действовавшего в то время Уголовного кодекса РСФСР.

2

Последнее слово Бухарина было самым продолжительным из всех последних выступлений подсудимых на процессе по делу антисоветского право-троцкистского блока. Текст его неправленной стенографической записи составил больше авторского листа – около 44 000 знаков³⁷. При подготовке стенограммы процесса к опубликованию в виде отдельной книги он был сокращен почти на треть³⁸. Текст последнего слова Бухарина, опубликованный 13 марта 1938 года в газете «Правда»³⁹, имел объем приблизительно 5 600 знаков, то есть он был сокращен почти в восемь (!) раз.

Сравнение трех указанных вариантов этой стенографической записи и сопоставление их с конспектом последнего слова Бухарина, написанным им

³⁶ Там же. С. 695–696.

³⁷ См. первую его публикацию в изданиях: Из неправленной стенограммы по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной Коллегией Верховного Суда СССР. Вечернее заседание 12 марта 1938 года. Последнее слово Н.И. Бухарина // Источник. Документы русской истории. 1996. № 4. С. 79–92 (далее: Последнее слово Н.И. Бухарина). Процесс Бухарина. 1938 г.: Сборник документов / Ред.-сост. Ж.В.Артамонова, Н.В.Петров. М., 2013. С. 706–719.

³⁸ См.: Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2–13 марта 1938 г. Полный текст стенографического отчета. М., 1938. С. 678–689.

³⁹ Последнее слово подсудимого Бухарина // Правда. 1938. № 71 (7398). 13 марта. С. 4.

самим⁴⁰, показывает, что текст данного выступления бывшего большевистского вождя подвергся весьма существенной стилиевой и смысловой правке.

Согласно направленной стенограмме процесса, Бухарин, начиная свое выступление на вечернем заседании 12 марта 1938 года, сказал: «Гражданин председательствующий и граждане судьи, разрешите мне сказать последнее слово по поводу и в связи с моей деятельностью, о фактическом содержании которой я уже рассказал во время судебного следствия и на процессе, а также ответить на наиболее важные из новых обвинений, выдвинутых государственным прокурором. Я совершенно согласен с гражданином прокурором насчет исторического⁴¹ значения процесса, на котором вскрыты наши злодейские преступления, совершенные право-троцкистским блоком, одним из лидеров которого я был, и за всю деятельность которого я несу ответственность»⁴² (курсив мой. — В.Т.).

В газетной и книжной публикациях стенографического отчета начальная фраза Бухарина (выделенная мною курсивом) была опущена. Была удалена и оценка процесса как исторического⁴³.

Далее Бухарин стал говорить о признании своей виновности. В направленной стенографической записи его заявление было изложено следующим образом: «В самом начале процесса на вопрос гражданина Председательствующего: признаю ли я себя виновным, я ответил признанию. Я признал также себя виновным в разговорах на предварительном следствии. На заданный мне вопрос гражданином председательствующим: подтверждаю ли я данные мною показания, я ответил, что полностью и целиком признаю

⁴⁰ Данный конспект в настоящее время хранится в Архиве Президента Российской Федерации. См.: Последнее слово подсудимого Бухарина // АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 431.

⁴¹ В конспекте Бухарина — «общеисторического».

⁴² Последнее слово подсудимого Бухарина // Процесс Бухарина. 1938 г.: Сборник документов / Ред.-сост. Ж.В.Артамонова, Н.В.Петров. М., 2013. С. 706.

⁴³ В результате получилось, что после обращения к председательствующему и судьям Бухарин сказал: «Я совершенно согласен с гражданином Прокурором насчет значения процесса на котором вскрыты наши злодейские преступления, совершенные право-троцкистским блоком, одним из лидеров которого я был, и за всю деятельность которого я несу ответственность» (Правда. Правда. 1938. № 71 (7398). 13 марта. С. 4. Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 678).

себя виновным, юридически виновным Уголовного кодекса СССР⁴⁴»⁴⁵. Между тем, согласно конспекту последнего слова, на вопрос председательствующего: признает ли он себя виновным, Бухарин должен был ответить: «Признаю в размерах данных мною на предварительном следствии показаний».

В опубликованном книжном варианте стенограммы процесса этот фрагмент последнего слова Бухарина представлен не просто в сокращенном виде, весьма искажен также его смысл: «В самом начале процесса на вопрос гражданина председательствующего, признаю ли я себя виновным, я ответил признанием. На заданный мне вопрос гражданином председательствующим, подтверждаю ли я данные мною показания, я ответил, что полностью и целиком подтверждаю»⁴⁶. А в газете «Правда» из этого фрагмента была оставлена лишь одна фраза: «В самом начале процесса на вопрос гражданина председательствующего: — признаю ли я себя виновным, я ответил признанием»⁴⁷.

В неправленной стенографической записи заявление Бухарина о том, что он признает себя виновным в тех преступлениях, которые совершил и которые были ему вменены гражданином государственным обвинителем в конце судебного следствия», а также политически «ответственным за всю совокупность преступлений, совершенных “право-троцкистским блоком”», дополнялось оговоркой: **«Признаю ответственность даже за те преступления, о которых я не знал и о которых не имел ни малейшего представления»**⁴⁸. При подготовке стенограммы процесса к публикации эта оговорка была удалена — вероятнее всего потому, что такая формулировка выглядела как издевка над государственным обвинителем. По смыслу же своему она подразумевала необоснованность ряда выдвинутых против подсудимого обвинений и вынужденный характер признания им своей виновности.

Опубликованный в виде книги вариант стенограммы процесса показывает, что в текст последнего слова Бухарина вошло довольно много

⁴⁴ Так в оригинале. — В.Т. Это явная ошибка. В действительности Уголовного кодекса СССР в Советском Союзе никогда не существовало, хотя попытки его разработать предпринимались неоднократно.

⁴⁵ Последнее слово Н.И. Бухарина. С. 80.

⁴⁶ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 678.

⁴⁷ Правда. Правда. 1938. № 71 (7398). 13 марта. С. 4.

⁴⁸ Последнее слово Н.И. Бухарина. С. 80.

заявлений с подобным смыслом. Данный смысл подразумевался, хотя и косвенно, в следующем его высказывании: «Считаю необходимым упомянуть, — говорил Бухарин, — что во время моего допроса гражданином государственным обвинителем, последний заявил в весьма категорической форме, что я как обвиняемый не должен брать на себя больше, чем я на себя взял, чтобы я не выдумывал фактов, которых не было, потребовав занесения этого своего заявления в протокол»⁴⁹.

В книжном варианте стенографической записи последнего слова оказались и такие высказывания Бухарина, которые прямо указывали на необоснованность выдвинутых против него обвинений. В этих высказываниях особый интерес представляют следующие фразы: «Я подлежу самой суровой мере наказания, и я согласен с гражданином Прокурором, который несколько раз повторял, что я стою на пороге смертного часа. Тем не менее я считаю себя вправе опровергнуть некоторые обвинения, которые появились: а) в печатном обвинительном заключении, в) во время судебного следствия, с) в обвинительной речи гражданина прокурора СССР»⁵⁰.

Если верить неправленому варианту стенограммы, это высказывание Бухарина было более пространным и дерзким по смыслу: «Даже за те преступления, которые вменялись мне гражданином государственным обвинителем в порядке применения статей уголовного кодекса, то есть тех статей, где я признаю свою виновность с узкоюридической точки зрения, я подлежу самой суровой мере наказания и я согласен с гражданином прокурором, который несколько раз повторял, что я стою на пороге смертного часа. И именно поэтому я считаю себя вправе опровергнуть те обвинения, которые появились: а) в печатном обвинительном заключении, б) во время судебного следствия, с) в обвинительной речи гражданина прокурора СССР»⁵¹.

В конспекте последнего слова Бухарина вместо слов «И именно поэтому я считаю себя вправе опровергнуть те обвинения, которые появились...» было

⁴⁹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 679. Согласно неправленому варианту стенографической записи последнего слова Бухарина, Николай Иванович на самом деле говорил на процессе о том, что государственный обвинитель **запрещал** ему «брать на себя больше, чем я на себя взял».

⁵⁰ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 679.

⁵¹ Последнее слово Н.И. Бухарина. С. 80.

записано: «Но именно поэтому я считаю себя вправе защищаться против целой серии совершенно новых и неожиданных для меня обвинений, которые появились...».

Данный факт свидетельствует о том, что текст последнего слова Бухарина подвергался правке неоднократно и правился разными редакторами. Сталин прочитал его самым внимательным образом: целый ряд абзацев, на которые не обратили внимания предшествовавшие редакторы, сократил, немало сокращенных ими — восстановил, а кое-где самолично подправил стиль бухаринской речи. Надо признать, что Иосиф Виссарионович прекрасно чувствовал русский язык и был неплохим редактором.

Тактика защиты, которую применил Бухарин в последнем слове, была весьма необычной. Он признал себя виновным в измене социалистической родине, назвав это преступление «самым тяжким, которое только может быть». Признал свою вину «в организации кулацких восстаний, в подготовке террористических актов, в принадлежности к подпольной антисоветской организации», а также в подготовке заговора — «дворцового переворота»⁵². Но данные признания он использовал для того, чтобы заявить: «Из этого, между прочим, и вытекает неправильность всех тех мест обвинительной речи гражданина государственного обвинителя, где он изображает дело так, что я становился в позу чистого теоретика, в позу философа и так далее»⁵³.

Яснее всего его тактика защиты выразилась в следующих сделанных им в последнем слове заявлениях: «Я признаю себя ответственным и политически, и юридически за пораженческую ориентацию, ибо она господствовала в “право-троцкистском блоке”, хотя я утверждаю: а) лично я на этой позиции не стоял, б) фраза об открытии фронта принадлежала не мне, а это был отзвук моего разговора с Томским, в) если Рыков впервые услышал эту фразу от меня, то это, повторяю, был отзвук разговора с Томским. Но я считаю себя ответственным за величайшее и чудовищное преступление перед

⁵² Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 679. В неправленном варианте речи после этого словосочетания стоит уточняющая фраза: «в подготовке государственного переворота» (Последнее слово Н.И. Бухарина. С. 81)..В печатный текст она не попала.

⁵³ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 679.

социалистической родиной и всем международным пролетариатом⁵⁴. Я считаю себя, далее, и политически, и юридически ответственным за вредительство, хотя я лично не помню, чтобы я давал директивы о вредительстве. Об этом я не говорил. Я положительно разговаривал один раз на эту тему с Гринько. Я еще в своих показаниях говорил, что я в свое время Радеку заявил, что считаю этот способ борьбы малоцелесообразным. Однако, гражданин государственный обвинитель представляет меня в роли руководителя вредительства»⁵⁵.

Бухарин открыто признал в своем последнем слове, что являлся «руководителем, а не стрелочником контрреволюционного дела», но и данный факт был представлен им, если не оправдывающим, то смягчающим его вину, хотя и не снимающим с него ответственности. «Из этого вытекает, как это всякому понятно, — заметил он, — что многих конкретных вещей я мог и не знать, что их я действительно и не знал»⁵⁶.

Не отказываясь от признаний, которые были сделаны им во время допросов на предварительном и судебном следствии, Бухарин пытался показать их легковесный, надуманный характер, убедить всех, что он взял на себя больше преступлений, чем в действительности совершил. **Он опровергал в своем последнем слове не только обвинения, выдвинутые против него Вышинским, но и обвинения, которые сам против себя выдвигал.**

Однако самый главный удар бывший большевистский вождь наносил по фундаменту общей конструкции обвинения — по заявлению, которое открывало составленное Вышинским обвинительное заключение: «Произведенным органами НКВД расследованием установлено, что по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств обвиняемые по настоящему делу организовали заговорщическую группу под названием “право-троцкистский блок”»⁵⁷.

⁵⁴ В неправленном варианте стенографической записи последнего слова Бухарина перед этой фразой стоит заявление: «Открытие фронта я считал глупой антипартийной ориентацией» (Последнее слово Н.И. Бухарина. С. 81).

⁵⁵ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 680.

⁵⁶ Там же. С. 679.

⁵⁷ Там же. С. 11.

Николай Иванович признал, что «право-троцкистский блок» действительно существовал до тех пор, пока его не разгромили органы НКВД, напомнив, что говорил об этом блоке еще в 1928 году во время VI конгресса Коминтерна. «Как же можно утверждать, что блок был организован по заданиям фашистских разведок? Это в 1928 году-то!», – восклицал он. Вышинскому вряд ли было приятно слышать данный вопрос, уличавший его, облеченного статусом государственного обвинителя, не просто в ошибке, а в самой настоящей несуразице.

Но, пожалуй, еще более неприятным стало для Вышинского другое заявление Бухарина: «Гражданин Прокурор разъяснил в своей обвинительной речи, что члены шайки разбойников могут грабить в разных местах и все же ответственны друг за друга. Последнее справедливо, но члены шайки разбойников должны знать друг друга, чтобы быть шайкой и быть друг с другом в более или менее тесной связи. Между тем, я впервые из обвинительного заключения узнал фамилию Шаранговича и впервые увидел его на суде. Впервые узнал о существовании Максимова. Никогда не был знаком с Плетневым, никогда не был знаком с Казаковым, никогда не разговаривал с Раковским о контрреволюционных делах, никогда не разговаривал о сем же предмете с Розенгольцем, никогда не разговаривал о том же с Зеленским, никогда в жизни не разговаривал с Булановым и так далее. Кстати, и Прокурор меня ни единым словом не допрашивал об этих лицах»⁵⁸.

Недоучившийся студент юридического факультета императорского Московского университета⁵⁹ уличал доктора юридических наук в

⁵⁸ Там же. С. 680. В неправленном варианте стенограммы фразу Бухарина, начинавшуюся со слов «гражданин прокурор разъяснил в своей обвинительной речи...», предваряло следующее довольно жесткое заявление: «Я опровергаю, прежде всего, свой, якобы, факт принадлежности к группе, сидящей на скамье подсудимых, ибо такой группы как таковой вовсе не было, и вовсе не эта, якобы, группа носила название право-троцкистского блока».

⁵⁹ Автор обширной биографической статьи о Бухарине в первом издании «Большой Советской Энциклопедии» участник правой оппозиции Дмитрий Петрович Марецкий почему-то указал в нем, что осенью 1907 г. Бухарин поступил на «экономическое отделение юридическ.[ого] факультета Московск.[ого] ун-та» (Большая Советская Энциклопедия. Том 8. Буковые–Варле. М., 1927. С. 272). Американский историк, автор биографической книги о Бухарине Стивен Коэн повторил это утверждение соратника Бухарина, указав в своей книге, что он числился «в списках студентов экономического отделения юридического факультета вплоть до своей ссылки в 1911 г.», хотя «проводил мало времени в аудиториях и еще меньше времени уделял академической программе»

поверхностном толковании предусмотренных статьей 58¹¹ действовавшего в то время Уголовного кодекса РСФСР понятий организационной деятельности, направленной к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений, и участия в организации, образованной для подготовки или совершения контрреволюционных преступлений.

«"Право-троцкистский блок" есть прежде всего блок правых и троцкистов, – продолжал Бухарин спор с Вышинского. – Как сюда вообще может входить, например, Левин, который здесь на суде показал, что он и сейчас не знает, что такое меньшевики? Как сюда могут входить Плетнев, Казаков и прочие? Следовательно, сидящие на скамье подсудимых не суть какая-либо группа, они суть на разных линиях соучастники заговора, но не группа в строгом и юридическом смысле этого слова⁶⁰. Все подсудимые были так или иначе связаны с "правотроцкистским блоком", некоторые из них и с разведками, но и только. Но это не дает никакого основания заключать, что эта группа есть "право-троцкистский блок"»⁶¹.

Бухарин категорически отрицал в последнем слове, что «был связан с иностранными разведками», что они были хозяевами над ним и он

(Козн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С. 38). Между тем в 1907 г. в рамках юридического факультета императорского Московского университета отсутствовало экономическое отделение (см.: Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета за 1907 год. М., 1908. С. 304–308). Более того, в рамках этого факультета его никогда и не было. Существовала лишь кафедра политэкономии и статистики, предусмотренная действовавшим тогда Общим уставом императорских российских университетов 1884 г. Бухарин обучался на юридическом факультете до 11 февраля 1911 г. И действительно редко посещал занятия. В архиве сохранился документ, выписанный в этот день на его имя исправлявшим обязанности ректора Московского университета графом Л.А. Камаровским: «От императорского Московского университета дано настоящее свидетельство бывшему студенту юридического факультета Николаю Ивановичу Бухарину в том, что он уволен из университета за невозвращение к сроку входного билета в осеннем полугодии 1910 г. Исключен из числа студентов по распоряжению господина министра народного просвещения».

⁶⁰ В направленной стенограмме после этих слов следует вывод, удаленный при редактировании текста последнего слова Бухарина: «А раз это так, то ясно, что эта несуществующая группа не может быть, вопреки обвинительному заключению, сформирована по заданиям разведок» (Последнее слово Н.И. Бухарина. С. 81).

⁶¹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 680. В направленной стенограмме фраза Но это не дает никакого основания заключать, что эта группа есть "право-троцкистский блок"» завершается словами: «и что эта группа... организована по заданиям иностранных разведок (Последнее слово Н.И. Бухарина. С. 81).

«действовал, выполняя их волю»⁶². В опубликованную стенограмму процесса не вошла добавленная к этому отрицанию реплика: «Было бы глупо заключать какие-то соглашения с иноразведками, ибо что получили бы мы — заговорщики — в результате этого соглашения? Одни голые обещания»⁶³.

Обвинение Бухарина в сотрудничестве с иностранными разведками было самым позорным, поэтому он приложил большие усилия для того, чтобы показать его надуманность.

Из неправленного текста стенограммы видно, что, опровергая обвинение в шпионаже, Бухарин обрушил на Вышинского целый поток вопросов: «Гражданин прокурор утверждает, что я наравне с Рыковым был одним из крупнейших организаторов шпионажа. А почему об этом нет ни слова в следственном материале по моему делу, за исключением показаний провокатора Иванова, А почему гражданин прокурор при своем допросе меня не спрашивал по этому предмету? Как же можно, гражданин прокурор впервые спрашивать об этом только во время суда, хотя я сидел в тюрьме больше года? Очевидно потому, что не было достаточно фундированного материала.

А что мне предъявляется теперь? Шарангович, о существовании которого я не слышал ничего до обвинительного заключения. Несуществующий Червяков, которого нельзя допросить за его несуществованием. Мне предъявляется контекст показаний Шаранговича, по которым выходит, что я чуть ли не вырабатывал вредительский план производства тетрадий в Белоруссии. Этот факт, мне кажется, достаточно говорит сам за себя. Шарангович...»⁶⁴.

Здесь раздался возмущенный голос Шарангович: «Бросьте врать хоть один раз в жизни, черт возьми. Врете вы и сейчас на суде»⁶⁵. Председательствующий прервал Шаранговича, приказав ему не мешать. «Я не мог выдержать», — объяснил свои слова Шарангович и замолчал.

Любопытно, что в самый полный из опубликованных вариантов стенографической записи последнего слова Бухарина вошло лишь четыре его фразы из приведенного фрагмента речи: «Гражданин Прокурор утверждает,

⁶² Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 681.

⁶³ Последнее слово Н.И. Бухарина. С. 81.

⁶⁴ Там же. С. 82.

⁶⁵ Там же.

что я наравне с Рыковым был одним из крупнейших организаторов шпионажа. Какие доказательства? Показания Шаранговича, о существовании которого я и не слышал до обвинительного заключения. Мне предъявляется контекст Шаранговича, по которому выходит, что я чуть ли не вырабатывал вредительский план»⁶⁶. Из реплики подсудимого Шаранговича были удалены слова «черт возьми».

Обвинение Бухарина в том, что он стремился со своими соратниками «расчленив страну советского народа, отторгнуть национальные республики и превратить их в колонии империалистов» опиралось в значительной мере на показания бывших руководителей Узбекской ССР Ходжаева и Икрамова. Бухарин постарался в своем последнем слове показать несурзность сделанных Вышинским на этой основе выводов. Возражения были весьма убедительными — поэтому неудивительно, что при публикации произнесенного Бухариным в суде последнего слова их существенно сократили. В неправоленной стенограмме эти возражения были изложены в следующем виде (полужирным шрифтом выделены высказывания Бухарина, не вошедшие в опубликованный вариант стенограммы): «Ходжаев утверждает, что я ему советовал связаться с английским резидентом, а Икрамов говорит, будто я ему заявил, что Туркестан является лакомым кусочком для Англии. В действительности дело было совсем не так. Ходжаеву я говорил только [о] том, что нужно использовать противоречия между империалистическими державами и в глухой форме поддерживал мысль о независимости Туркестана. Ни о каких резидентах не было ни единого слова. **Нужно изобразить меня каким-то дураком, чтобы приписывать мне все эти вещи. Я являюсь преступником, но никто еще не считал меня дураком, который хлопочет о том, чтобы раздать различные части страны иностранным государствам. Но для чего же тогда нужна была власть, захватить которую мы стремились, мы участники заговора «право-троцкистского блока», и при том столь преступными методами? Гражданин государственный обвинитель во всем этом деле приемлет очень оригинальную логику. Он спрашивает — а вы видели Ходжаева? Видел. Это было в Ташкенте? Было в Ташкенте. Вы разговаривали с ним о политике? О**

⁶⁶ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 681.

политике. Значит вы говорили о резиденте. **Но это же не имеет никакого отношения к так называемой математической индукции.** Тут такие заключения фигурировали не раз, а когда я протестовал против *такого типа заключений*, то гражданин прокурор обвинял меня в том, что я говорю неправду, вилжаю, желаю скрыть истину и т. д. и был при этом поддержан целым рядом моих сопроцессников. Но мне кажется, что в этом случае настоящая логика стоит целиком на моей стороне»⁶⁷.

Продолжая опровергать обвинения, выдвинутые в его адрес Вышинским, Бухарин заявил: «Я категорически отрицаю свою причастность к убийству Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и Максима Пешкова. Киров, по показанию Ягоды, был убит по решению “право-троцкистского блока”. Я об этом не знал⁶⁸. Но тут на помощь фактическому содержанию для гражданина прокурора приходит то, что он называет логикой. Он спрашивает, могли ли Бухарини Рыков стоять в стороне от этих убийств, и отвечает, что они не могли стоять в стороне, потому что они знали. Но не стоять в стороне и знать — это одно и то же. Это будет то, что называется в элементарной логике тавтологией, то есть принятие за доказанное то, что нужно доказать»⁶⁹.

Бухарин привел в своем последнем слове много случаев таких юридических несуразиц и нарушений элементарной логики, допущенных Вышинским в обвинительном заключении и в обвинительной речи. И он мог бы добиться той цели, которую перед собой ставил, произнося последнюю в жизни публичную речь. Не надеясь на смягчение приговора, он хотел оправдать себя в общественном мнении. Личность Бухарина действительно могла предстать в глазах людей не столь отталкивающей (пусть и не сразу, а с течением времени), если бы он оказался более последовательным хотя бы в своем последнем слове на суде.

⁶⁷ Последнее слово Н.И. Бухарина. С. 82. Сравни с текстом в издании: Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 681.

⁶⁸ В направленной стенографической записи после фразы «Я об этом не знал» и до слов «Но тут на помощь...» стоят следующие его высказывания, удаленные при подготовке стенограммы процесса к публикации: «Рыков показывает на суде, что я об этом не знал. Кроме того, у суда есть показания Рыкова, мои показания, показания Ягоды, который в свою очередь ссылается на свидетельские показания Енукидзе, которого допросить уже нельзя, и которые мне неизвестны, они мне предъявлены не были» (Последнее слово Н.И. Бухарина. С. 83).

⁶⁹ Там же. С. 682.

Удивительно, что, уличая Вышинского в юридических несуразностях и логических неправильностях, Бухарин одновременно до предела разоблачал в своем последнем слове и самого себя. Он решительно отметал выдвинутое против него обвинение в шпионаже, и в то же время твердо заявлял: «Я, однако, признаю себя виновным в злодейском плане расчленения СССР, ибо Троцкий договаривался насчет территориальных уступок, а я с троцкистами был в блоке. Это факт и это я признаю»⁷⁰. Это заявление бывшего большевистского вождя, зафиксированное в первоначальном варианте стенограммы судебного процесса, было перенесено без каких-либо изъятий и правок и в книжный вариант стенограммы судебного процесса, и в напечатанный в газетах сокращенный вариант его последнего слова. Какое впечатление оно могло произвести на общество? Нетрудно догадаться, что самое неблагоприятное.

Можно предположить, что свое последнее слово Бухарин сознательно сделал запутанным, составил из противоречащих одно другому заявлений, так как опасался, что без признаний в совершении преступлений его речь вообще не напечатают. И потому специально постарался оправдывавшие его рассуждения и выводы спрятать за многочисленными признаниями своей виновности.

Но более вероятным представляется другое объяснение. Бухарин остался политиком и на краю своей жизни. Его непоследовательность в последнем публичном выступлении отражала непоследовательный характер его политической деятельности. Человечность, задавленная в нем политикой, не могла влиять на его поведение даже тогда, когда рок неумолимо вел его к гибели.

В заключительной части своего последнего слова Бухарин говорил исключительно как политик. Он не спорил с государственным обвинителем и не пытался разжалобить суд. Он сказал: «Я объясню каким образом я пришел к необходимости капитулировать перед следственной властью и перед вами, граждане судьи. Мы выступили против радости новой жизни самыми преступными методами борьбы. Я отвергаю обвинение в покушении на Владимира Ильича, но мои контрреволюционные заговорщики и я во главе их пытались убить дело Ленина, продолжаемое Сталиным с гигантскими успехами. Логика этой борьбы, обрастая идеями, со ступеньки на ступеньку

⁷⁰ Там же.

спускала нас в самое черное болото. И еще раз было доказано, что отход от позиции большевизма есть переход в политический контрреволюционный бандитизм. Теперь контрреволюционный бандитизм разгромлен, мы разбиты, раскаялись в своих ужасных преступлениях»⁷¹. Неудивительно, что эти его высказывания никакой правки не подверглись и были напечатаны так, как были произнесены подсудимым в зале суда.

В самом конце своего последнего публичного выступления Бухарин заявил: «Пусть этот процесс будет последним тягчайшим уроком и пусть всем видна великая мощь СССР, пусть всем видно, что контрреволюционный тезис о национальной ограниченности СССР* повис в воздухе, как жалкая тряпка. Всем видно мудрое руководство страной, которая обеспечена Сталиным.

С этим сознанием я жду приговора. Дело не в личных переживаниях раскаявшегося врага, а в расцвете СССР, в его международном значении»⁷².

* * *

Выслушав последние выступления подсудимых, Военная коллегия Верховного суда СССР удалилась на совещание. Оно продолжалось с 21.30 12 марта до 04.00 13 марта 1938 года. Вынесенным приговором 18 подсудимых были приговорены к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества. Д.Д. Плетнева, «как не принимавшего непосредственно активного участия в умерщвлении т.т. В. В. Куйбышева и А. М. Горького, хотя и содействовавшего этому преступлению», приговорили «к тюремному заключению на двадцать пять лет с поражением в политических правах на пять лет по отбытии тюремного заключения и с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества»⁷³. Х.Г. Раковскому и С.А. Бессонову как не принимавших прямого участия в организации террористических и диверсионно-вредительских действий было назначено наказание в виде тюремного заключения – соответственно на 20 и 15 лет, с поражением каждого в политических правах на пять лет по отбытии тюремного заключения и с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества»⁷⁴.

⁷¹ Там же. С. 688.

⁷² Там же. С. 689. Последнее слово Н.И. Бухарина. С. 90.

⁷³ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 707.

⁷⁴ Там же. С. 708.

Так завершился этот самый знаменитый и странный во всей советской истории судебный процесс.

3

Итоги московских показательных процессов 1936–1938 годов

Открытый суд по делу «антисоветского право-троцкистского блока» стал последним в череде подобного рода процессов, проходивших в Москве в 1936–1938 годах. Общей их чертой было присутствие среди подсудимых лиц, занимавших в разное время (а в ряде случаев и непосредственно перед арестом) высокие должности в советском государственном и партийном аппарате.

В процессе по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, проходившем с 19 по 24 августа 1936 года, участвовали шестнадцать подсудимых, в том числе Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев — бывшие большевистские вожди, соратники Ленина.

По делу антисоветского троцкистского центра, которое слушалось с 23 по 30 января 1937 года, были осуждены семнадцать государственных и партийных деятелей, в частности Ю.Л. Пятаков, Л.П. Серебряков, Г.Я. Сокольников, входивших в первые годы существования Советского государства в высшие руководящие органы большевистской партии и впоследствии занимавшие высшие правительственные должности.

В мартовском процессе 1938 года по делу антисоветского «право-троцкистского блока» в числе двадцати одного обвиняемого на скамье подсудимых оказались бывшие члены Политбюро ЦК ВКП (б) Н.И. Бухарин (занимал эту должность в 1924–1929 гг.), А.И. Рыков (1922–1930 гг.) и Н.И. Крестинский (1919–1921 гг.), а также Г.Г. Ягода, бывший член ЦК ВКП (б) и нарком внутренних дел (1934–1936 гг.).

Показательные судебные процессы над «врагами народа» прошли в 1936–1938 гг. также на местах — в республиках, краях, областях и районах, на подсудимых в ряде случаев обрушивались обвинения, подобные тем, которые выдвигались против подсудимых в указанных московских процессах⁷⁵.

⁷⁵ Наиболее ярким примером такого рода местных показательных процессов является судебное разбирательство по делу о взрыве 23 сентября 1936 г. на кузбазсской шахте «Центральная», состоявшееся с 19 по 22 ноября 1936 г. в Кемерово. Девять руководителей и инженеров шахты, привлеченных к уголовной ответственности, были обвинены в том, что с 1935 г. состояли в «контрреволюционной троцкистско-диверсионной вредительской организации». Выступая на этом процессе с обвинительной речью, Г.К. Рогинский

Однако местные показательные процессы имели более конкретные цели: наведение порядка на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве, укрепление дисциплины в среде местных руководящих работников, уменьшение недовольства населения политикой Советского государства и т.д.⁷⁶

Московские же показательные процессы 1936–1938 годов были направлены не только против конкретных людей, сидевших на скамье подсудимых, но и **против революционного большевизма как явления**. При рассмотрении уголовных дел большевистских вождей и руководителей на судебных заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР публично и подробно разбирались основные события из истории большевизма, происходил пересмотр прежних догм большевистской идеологии, утверждался новый взгляд на прошлое большевистской партии, давалась

утверждал, что целью этой организации являлось «свержение советской власти и реставрация в СССР капитализма, восстановление эксплуатации, восстановление частной собственности». Людей, сидевших на скамье подсудимых, зам. прокурора СССР называл «троцкистско-диверсионной контрреволюционной шайкой», через которую союзный троцкистско-зиновьевский центр «проводил свое грязное, черное, подлое дело контрреволюции» (Процесс троцкистско-диверсионной контрреволюционной группы в Кемерово // Социалистическая законность. 1936. № 12. С. 44, 38).

⁷⁶ Эти цели отчетливо проступают в Директиве ЦК ВКП (б) об организации показательных процессов от 3 августа 1937 г., направленной за подписью секретаря ЦК ВКП (б) Сталина секретарям обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК нацкомпартий. В этом документе говорилось:

«За последнее время в краях, областях и республиках вскрыта вредительская работа врагов народа в области сельского хозяйства, направленная на подрыв хозяйства колхозов и на провоцирование колхозников *на недовольство против Советской власти*, путем целой системы издевок и глумлений над ними.

ЦК считает существенным недостатком руководства делом разгрома вредителей в сельском хозяйстве тот факт, что ликвидация вредителей проводится лишь закрытым порядком по линии органов НКВД, а колхозники не мобилизуются на борьбу с вредительством и его носителями.

Считая совершенно необходимой политическую мобилизацию колхозников вокруг работы, проводящейся по разгрому *врагов народа* в сельском хозяйстве, — ЦК ВКП(б) обязывает обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий организовать в каждой области по районам 2-3 открытых показательных процесса над *врагами народа* — вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы (работники МТС и райзо, предрики, секретари РК и т.п.), широко осветив ход судебных процессов в местной печати» (Директива ЦК ВКП (б) об организации показательных процессов от 3 августа 1937 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы. Том 5. Кн. 1. 1937. М., 2004. С. 394).

новая оценка исторической роли ее вождей: Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина.

Поэтому настоящим итогом показательных московских процессов 1936–1938 годов стали не только смертные приговоры Зиновьеву, Каменеву, Пятакову, Бухарину, Рыкову, Ягоде и другим большевистским деятелям, но и вышедший в свет в конце 1938 года учебник под названием «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс под редакцией комиссии ЦК ВКП (б)»⁷⁷. В книге говорилось о перерождении бухаринцев в «политических двурушников», а «троцкистских двурушников – в белогвардейскую банду убийц и шпионов»⁷⁸. Одиннадцатая глава учебника заканчивалась следующим выводом: «Капиталистическое окружение, стремясь ослабить и подорвать могущество СССР, усиливает свою “работу” по организации внутри СССР банд убийц, вредителей, шпионов. Особенно усиливается враждебная по отношению к СССР деятельность капиталистического окружения с приходом к власти фашистов в Германии, Японии. В лице троцкистов, зиновьевцев фашизм приобрел верных слуг, идущих на шпионаж, вредительство, террор, диверсии, на поражение СССР – во имя восстановления капитализма. Советская власть твердой рукой карает этих вырожденков человеческого рода и беспощадно расправляется с ними, как с врагами народа и изменниками родины»⁷⁹.

В заключительной же части учебника отмечалось: «Партия есть руководящий отряд рабочего класса, его передовая крепость, его боевой штаб. Нельзя допустить, чтобы в руководящем штабе рабочего класса сидели малoverы, оппортунисты, капитулянты, предатели. Вести смертельную борьбу с буржуазией, имея капитулянтов и предателей в своем собственном штабе, в своей собственной крепости – это значит попасть в положение людей, обстреливаемых и с фронта и с тыла. Не трудно понять, что такая борьба может кончиться лишь поражением. Крепости легче всего берутся изнутри. Чтобы добиться победы, нужно, прежде всего, очистить партию рабочего класса, его руководящий штаб, его передовую крепость – от капитулянтов, от дезертиров, от штрейхбрехеров, от предателей. Нельзя

⁷⁷ Выходные данные, приведенные на последней странице данной книги, показывают, что ее текст был сдан в набор 8 октября, а подписан к печати 14–19 октября 1938 г.

⁷⁸ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс под редакцией комиссии ЦК ВКП (б). Одобрено ЦК ВКП (б). М., 1938. С. 309.

⁷⁹ Там же. С. 315.

считать случайностью, что троцкисты, бухаринцы, национал-уклонисты, борясь с Лениным, борясь с партией, кончили тем же, чем кончили партии меньшевиков и эсеров, — стали агентами фашистских разведок, стали шпионами, вредителями, убийцами, диверсантами, изменниками родины»⁸⁰.

Приведенные выводы учебника по истории большевистской партии выглядят как отголосок тех обвинений, которые звучали на московских открытых процессах 1936–1938 годов.

Бывшие большевистские вожди, по которым Сталин наносил удар, являлись опытными оппозиционными деятелями, искушенными в сложнейших политических интригах, имевшими множество сторонников в коммунистической партии. При этом в своих помыслах и поступках они были абсолютно свободны от каких-либо моральных ограничений. Поэтому выбор такого способа их уничтожения, как открытый судебный процесс, был чрезвычайно рискованным. Став подсудимыми, бывшие большевистские вожди вполне могли на открытых судебных заседаниях отказаться от признательных показаний, данных на предварительном следствии, и превратиться из обвиняемых в обвинителей. Сталин оказался бы в этом случае в довольно опасном положении. Особенно, если учесть, что руководство НКВД вплоть до осени 1938 года действовало в значительной мере самостоятельно, контроль со стороны Политбюро ЦК ВКП (б) был слабым.

Однако развенчать идеологию революционного большевизма в общественном сознании в наиболее полной степени можно было лишь показав обществу, что она является в действительности **идеологией государственной измены, идеологией преступлений против народа**. А для этого требовались открытые судебные процессы. Главным идеологом революционного большевизма являлся Лев Троцкий. Поэтому каждый из трех московских открытых процессов стал судом над троцкистами и троцкизмом.

Признания подсудимых были не единственными доказательствами их виновности в совершении государственной измены и других тяжких преступлений. Бывшие большевистские вожди и руководители, имевшие репутацию людей, выкованных из железа, оказались удивительно словоохотливыми на предварительном следствии и в зале суда. Они

⁸⁰ Там же. С. 344.

совершенно не стеснялись уличать друг друга в самых тяжких преступлениях. Тем не менее, ведя допросы подсудимых в рамках московских открытых процессов, прокурор СССР Вышинский настойчиво добивался, чтобы они сознавались прежде всего в собственных преступлениях, вменявшихся им в вину обвинительным заключением. Эти признания имели особый смысл при рассмотрении уголовных дел о заговоре, о попытке государственного переворота.

Обобщая в книге «Теория судебных доказательств в советском праве», опубликованной спустя три года после бухаринского процесса, опыт своей деятельности в качестве государственного обвинителя, Вышинский писал: «В делах о заговорах и других подобных делах вопрос об отношении к показаниям обвиняемого должен быть поставлен с особой осторожностью как в смысле их признания в качестве доказательства, так и в смысле отрицания за ними этого качества. При всей осторожности постановки этого вопроса нельзя не признать в такого рода делах самостоятельного значения этого вида доказательств»⁸¹. В московских открытых процессах над большевистскими политическими деятелями их показаниям о совершении ими уголовных преступлений действительно придавалось повышенное юридическое значение. Государственное обвинение опиралось на них как на самостоятельный вид доказательств. Однако вместе с тем признания подсудимых имели в этих процессах не только юридическое, но и политическое значение.

Для бывших большевистских вождей и руководителей публичное признание своей виновности в совершении тяжких преступлений являлось одновременно саморазоблачением и наказанием позорящего характера. Вряд ли они не понимали, в каком чудовищном виде предстают перед обществом, однако все же сознавались — да так, будто соревновались друг с другом в самоуничтожении. Такое поведение бывших большевистских вождей и руководителей на московских открытых процессах вызывало у наблюдателей изумление и недоумение.

7 марта 1938 года нарком внутренних дел СССР Ежов подал Сталину и Молотову записку о мнениях сотрудников иностранных посольств и иностранных граждан об открытых процессах против «врагов народа». В ней

⁸¹ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 181.

сообщалось, что по донесениям из посольства Италии, заведующий консульским отделом Савини Гвидо сказал: «Все бывшие ранее процессы производили страшное впечатление, главным образом тем, что все подсудимые как только попадали на скамью подсудимых, сейчас же сами себя начинали называть подлецами и негодьями, а свои поступки гнусными»⁸².

Лион Фейхтвангер при посещении в Москве январского процесса 1937 г. также обратил внимание на то, как легко и самозабвенно большевики, сидевшие на скамье подсудимых, признавались в тяжких преступлениях, как бичевали друг друга и себя. В книге о своих впечатлениях от посещения Москвы в начале 1937 года немецкий писатель спокойно описал атмосферу в зале судебного заседания и подсудимых, за которыми внимательно наблюдал на этом процессе (Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова, Муралова и др.): «Сами обвиняемые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с медленными, непринужденными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты, и они часто посматривали в публику. По общему виду это походило больше на дискуссию, чем на уголовный процесс, — дискуссию, которую ведут в тоне беседы образованные люди, старающиеся выяснить правду и установить, что именно произошло и почему это произошло»⁸³.

Но когда Фейхтвангер стал характеризовать поведение подсудимых на процессе, тон его повествования изменился: он столкнулся с явлением, которое не мог понять: «Невероятной, жуткой казалась деловитость, обнаженность, с которой эти люди непосредственно перед своей почти верной смертью рассказывали о своих действиях и давали объяснения своим преступлениям. Очень жаль, что в Советском Союзе воспрещается производить в залах суда фотографирование и записи на граммофонные пластинки. Если бы мировому общественному мнению представить не только то, что говорили обвиняемые, но и как они это говорили, их интонации, их лица, то, я думаю, неверящих стало бы гораздо меньше. Признавались они все, но каждый на свой собственный манер: один с циничной интонацией,

⁸² Записка Н.И. Ежова И.В. Сталину и В.М. Молотову об отношении сотрудников иностранных посольств и иностранных граждан к процессу по делу «антисоветского право-троцкистского блока». 7 марта 1938 г. // Процесс Бухарина. 1938 г.: Сборник документов. М., 2013. С. 806.

⁸³ *Фейхтвангер Л.* Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей / Перевод с немецкого. М., 1937. С. 98.

другой молодцевато, как солдат, третий внутренне сопротивляясь, прибегая к уверткам, четвертый — как раскаивающийся ученик, пятый — поучая. Но тон, выражение лица, жесты у всех были правдивы»⁸⁴.

Журналист и писатель Артур Кёстлер утверждал, что западному сознанию, далекому от понимания большевистской психологии, признания обвиняемых на московских процессах в совершении государственной измены и других тяжких преступлений казались «одной из крупнейших загадок современности». «Почему, — задавался он вопросом, — старые большевики — руководители и герои революции, так часто игравшие со смертью, что сами называли себя “покойниками на каникулах”, — почему, спрашивается, они признавали этот кошмарный бред, леденящий кровь? Если даже не принимать в расчет тех, кто, как Радек, просто-напросто спасал шкуру, тех, кто был деморализован, как Зиновьев, тех, кто надеялся выгородить родных, как, например, Каменев, по слухам, страстно любивший своего сына, то ведь были же среди них и “стальные» — люди типа Бухарина, Пятакова, Мрачковского, Смирнова и других, с десятками лет революционного стажа, ветераны царских тюрем и ссылок, и вот их патетически-безоглядное отречение от себя представлялось необъяснимым...»⁸⁵. Кёстлер попытался частично объяснить эту загадку и показать, какими методами могло быть обеспечено признание в совершении тяжких преступлений подсудимых, относившихся к типу старого большевика, преданного партии, оговорившись при этом, что «к другим применялись другие методы, каждый раз сообразно обстоятельствам»⁸⁶. Но объяснение это оказалось совсем неубедительным. Признание в совершении контрреволюционных преступлений, преступлений против народа, партии, государства ради предотвращения партийного раскола или какой-нибудь другой общей пользы, любой человек, тем более большевик-революционер, счел бы абсолютно бессмысленным делом.

⁸⁴ Там же. С. 99. В беседе со Сталиным 8 января 1937 г. Лион Фейхтвангер попытался получить от него объяснение, почему не 1, 2, 3, 4 подсудимых, а все подсудимые на августовском процессе 1936 г. — в том числе бывшие большевистские вожди Зиновьев и Каменев — признали свою вину. Сталин ответил в свойственном ему духе: «*Это не обычные преступники, не воры, у них осталось кое-что от совести. Ведь Иуда, совершив предательство, потом повесился.*»

⁸⁵ Кестлер А. Слепящая тьма. Трагедия «стальных людей». М., 1989. С. 201.

⁸⁶ Там же. С. 205.

В качестве людей, соответствовавших типу старого большевика, Кёстлер назвал Бухарина и Мрачковского, не приняв при этом во внимание, что за двадцать лет, прошедших после революции, их отношение к большевистской партии могло измениться — хотя бы потому, что ее руководителями были уже другие люди. Да и сама партия стала другой. Присущее большевикам-революционерам своеволие и вольномыслие ее духу не соответствовало.

Что же касается Бухарина, то в своем последнем слове на суде он сам объяснил, что побудило его признаться в совершении тяжких преступлений. Николай Иванович отверг распространявшиеся в то время и в Советском Союзе, и на Западе измышления о том, что подсудимых, чтобы добиться от них признания в преступлениях на открытых процессах, подвергали пыткам или давали им специальные порошки или применяли по отношению к ним гипноз. «Часто объясняют раскаяние, — говорил Бухарин, — различными, совершенно вздорными вещами вроде⁸⁷ тибетских порошков и так далее. Я про себя скажу, что в тюрьме, в которой я просидел около года, я работал, занимался, сохранил голову. Это есть фактическое опровержение всех небылиц и вздорных контрреволюционных рассказней.

Говорят о гипнозе. Но я на суде, на процессе вел и юридически свою защиту, ориентировался на месте, полемизировал с государственным обвинителем, и всякий, даже не особенно опытный человек в соответствующих отделах медицины, должен будет признать, что такого гипноза вообще не может быть^{88,89}.

Не стал Бухарин объяснять свои раскаяние и «специфическими свойствами души» — «достоевщиной», по его выражению. «В нашей стране, — пояснил он, — так называемая *l'âme slave* и психология героев Достоевского есть давно прошедшее время, плюскамперфектум. Такие типы не существуют у нас, они существуют разве на задворках маленьких провинциальных флигельков, да и то существуют вряд ли и там. Наоборот, в Западной Европе имеет место такая психология»⁹⁰.

⁸⁷ В неправоленной стенограмме после слова «вроде» стоит слово «пыткок», почему-то вычеркнутое при ее подготовке к печати.

⁸⁸ В неправоленной стенограмме вместо слов «не может быть» напечатано «не было»

⁸⁹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2–13 марта 1938 г. Полный текст стенографического отчета. М., 1938. С. 687.

⁹⁰ Там же.

После этих довольно витиеватых рассуждений Бухарин назвал, наконец, то, что по-настоящему и побудило его к признанию виновности в тяжких преступлениях. В опубликованной стенограмме его высказывание было приведено в отредактированном виде: «Я буду говорить теперь о самом себе, о причинах своего раскаяния, — сообщил он. — Конечно, надо сказать, что улики играют очень крупную роль. Я около 3 месяцев запирался. Потом я стал давать показания. Почему? Причина этому заключалась в том, что в тюрьме я переоценил все свое прошлое»⁹¹. Согласно неправоленной стенограмме признание было другим: *«Я около трех месяцев запирался, если не ошибаюсь. Потом я стал давать показания. Но я должен сказать здесь в своем последнем слове, что далеко не все исчерпывается уликами. Действительные причины заключаются в том, что в тюрьме, в которой приходится сидеть в течение долгого времени, при постоянном колебании между жизнью и смертью возникают вопросы, которые проходят в другом измерении и решаются в других измерениях, чем в обычной практической жизни»*.

После этих слов Бухарин продолжил свои объяснения, но главные причины раскаяния и соответственно сознания в преступлениях он уже назвал. Причем яснее всего они проступают в не отредактированном варианте выступления. Бухарин по существу признался, что стал давать показания по истечении трехмесячного пребывания в тюрьме потому, что был изобличен уликами. Второй же причиной стали душевные мучения, вызванные неопределенностью его будущей участи, пребыванием в течение длительного времени между жизнью и смертью.

Московские открытые процессы выглядели скорее особого рода театральными спектаклями, нежели настоящими судебными разбирательствами. Лион Фейхтвангер писал о январском процессе 1937 года: «Если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет и немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности: так добросовестно и старательно не пропускали они ни малейшей неточности друг у друга, и их взволнованность проявлялась с такой сдержанностью. Короче говоря, гипнотизеры, отравители и судебные чиновники, подготовившие обвиняемых, помимо всех своих ошеломляющих качеств должны были быть выдающимися режиссерами и психологами»⁹².

⁹¹ Там же. С. 687–688.

⁹² Фейхтвангер Л. Москва 1937. С. 98–99.

Идеологическое и политическое предназначение московских открытых процессов явно доминировало над их юридической сущностью, а в целом ряде эпизодов, которые в их рамках рассматривались, становилось едва ли не единственным. Многие положения, прозвучавшие в обвинительном заключении, особенно те, которые вменяли вредительство, так и не были по-настоящему доказаны прокурором Вышинским и не получили подтверждения в показаниях обвиняемых.

Но обвинения бывших большевистских вождей и руководителей — Бухарина, Рыкова, Крестинского, Ягоды, Пятакова, Зиновьева, Каменева и других — в попытке организации заговора с целью осуществления государственного переворота, в сотрудничестве с целью захвата власти в Советском Союзе с правительственными кругами фашистской Германии получили весьма убедительное подтверждение в многочисленных показаниях арестованных, подсудимых и просто свидетелей.

Революционный большевизм покоился на принципе «цель оправдывает средства». Сотрудничество с иностранными правительствами для захвата государственной власти в собственной стране большевики-революционеры считали вполне допустимым. Эмиль Людвиг вскоре после высылки Льва Троцкого из Советского Союза беседовал с ним, и интервью с главным идеологом революционного большевизма немецкий писатель привел в своей книге «*Geschenke des Lebens (Дары жизни)*», изданной в 1931 г. Его очень интересовал вопрос, есть ли у Троцкого перспектива возвратиться в свою страну и прийти к власти. Лев Давидович оценил эту возможность как вполне реальную. «Россия зашла в тупик, — сказал он, — пятилетний план потерпел неудачу, вскоре появится безработица, наступит экономический и промышленный крах, программа коллективизации сельского хозяйства обречена на провал». «Сколько у Вас последователей в России?» — спросил Эмиль Людвиг. «Трудно определить. Мои сторонники разобщены, работают нелегально, в подполье», — ответил Троцкий. «Когда Вы рассчитываете снова выступить открыто?» — поинтересовался писатель. «Когда представится благоприятный случай извне. Может быть, война или новая европейская интервенция, тогда слабость правительства явится стимулирующим средством», — ответил большевик-революционер.

«Но в этом случае вас-то именно и не выпустят, даже если бы те захотели вас впустить», — возразил Людвиг. Троцкий оживился. «О, тогда, по всей

вероятности, пути найдутся», — сказал он, презрительно улыбаясь. Стоявшая рядом супруга Троцкого Наталья Седова тоже заулыбалась. Все участники этой беседы хорошо понимали, каким образом Троцкий намеревался возвратиться в страну, из которой был изгнан.

Джозеф Эдвард Дэвис, юрист по образованию и профессии, занимавший с 16 ноября 1936 года до 11 июня 1938 года должность полномочного посланника США в СССР, присутствовал на процессе антисоветского троцкистского центра, проходившего с 23 по 30 января 1937 года, и на мартовском процессе 1938 года по делу антисоветского «право-троцкистского блока». Он был прагматиком по своему мировоззрению и отличался аналитическим складом ума⁹³, и его высказывания хотя бы по данной причине заслуживают серьезного внимания. Тем более что свое мнение он высказывал не в газетных статьях, а в официальных донесениях с пометкой «строго конфиденциально (strictly confidential)» президенту Франклину Рузвельту и государственному секретарю США Корделлу Халлу.

17 февраля 1937 года Джозеф Дэвис отправил в Вашингтон свой комментарий к прошедшему в Москве в последнюю неделю января открытому судебному процессу. Он отметил, в частности: «Неофициально признается одно, а именно: что это событие было инсценировано в пропагандистских целях. Оно было предназначено: во-первых, предупредить всех существующих и потенциальных заговорщиков и конспираторов внутри Советского Союза; во-вторых, дискредитировать Троцкого за рубежом; и в-третьих, укрепить национальные чувства населения в поддержку правительства против иностранных врагов — Германии и Японии. Во время судебного процесса использовались все средства пропаганды, чтобы донести до всех уголков страны ужасы этих признаний. Газеты были заполнены не только сообщениями о показаниях, но и комментариями самого грубого и оскорбительного характера в адрес обвиняемых. Радио тоже работало

⁹³ Австралийский ученый, специалист в области истории права Австралии и Великобритании Чарльз Герберт Карри в своей рецензии на сборник составленных Джозефом Дэвисом аналитических материалов по внутренней и внешней политике Советского государства дал ему следующую характеристику: «Он никогда не пытался скрыть, что является, по его собственным словам, "индивидуалистом, твердо убежденным в том, что коммунизм как таковой не может долго существовать на этой земле с такой человеческой природой, какая она есть", и что он столь же тверд в своей вере "в эволюцию в противовес революции"» (*Currey C.H. Review: Mission to Moscow // The Australian Quarterly. 1942. Vol. 14. No. 4. P. 103*).

сверхурочно (overtime). Другая вероятная цель открытого судебного процесса состояла в том, чтобы показать общественности, что признания обвиняемых являются *bona fides* (достоверными). Если бы эти признания были сделаны “в камерах” или представлены за подписями обвиняемых, их подлинность можно было бы отрицать. Но при устных самообвинениях, выраженных “в открытом суде”, факт признаний оспорить невозможно»⁹⁴.

Как профессиональный юрист Джозеф Дэвис хорошо видел юридические пороки открытых судебных процессов, на которых ему довелось присутствовать. Оценивая показания подсудимых, он приходил к убеждению, что далеко не все из них следует брать на веру. Сотрудник посольства США в СССР Чарлз Болен, служивший при Дэвисе переводчиком и сопровождавший его в качестве переводчика на заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР по делу антисоветского «право-троцкистского блока», вспоминал позднее, что в конце этого судебного процесса Дэвис направил президенту Рузвельту и государственному секретарю Халлу послание, в котором сообщил о своих сомнениях относительно «виновности трех врачей, находящихся на скамье подсудимых», а также выразил недоумение «по поводу отсутствия защиты прав обвиняемых»⁹⁵.

Официальные донесения американского посла из Москвы в Вашингтон показывают, что наблюдая в зале судебных заседаний за ходом московских открытых процессов, он поверил по-настоящему в истинность только обвинений в подготовке государственного переворота и государственной

⁹⁴ «Off the record, one is admitted, to wit: that the occasion was dramatized for propaganda purposes. It was designed: first, as a warning to all existing and potential plotters and conspirators within the Soviet Union; second, to discredit Trotsky abroad; and third, to solidify popular national feeling in support of the government against foreign enemies — Germany and Japan. During the trial every means of propaganda was employed to carry to all parts of the country the horrors of these confessions. The newspapers were filled not only with reports of the testimony but also comments of the most violent and vituperative character as to the accused. The radio also was working overtime. The other probable purpose was to disclose to the public in open court the *bona fides* of the confessions of the accused. Had these confessions been made “in chambers”, or produced over the signatures of the accused, their authenticity might have been denied. The fact of the confessions could never be disputed in the face of the oral self-accusations made “in open court”» (Davies J.E. Mission to Moscow. A record of confidential dispatches to the State Department, official and personal correspondence, current diary and journal entries, including notes and comment up to October, 1941. New York, 1941. P. 42).

⁹⁵ Bohlen C.E. Witness to History, 1929-1969. New York, 1973. P. 52.

измене, выдвинутых против бывших большевистских вождей и руководителей. В конфиденциальном донесении государственному секретарю Халлу от 17 марта 1938 года Джозеф Дэвис сообщил: «Несмотря на предвзятое отношение к признательным показаниям и предубеждение против судебной системы, которая не обеспечивает практически никакой защиты обвиняемым, после ежедневного наблюдения за свидетелями, их манерой давать показания, и появления в ходе судебного процесса неосознанных подтверждений, а также выявления других фактов, на которые суд мог бы обратить внимание, в том, что касается политиков, обвиняемых в существенных преступлениях по советскому праву, я пришел к мнению о том, что обвинения, выдвинутые в обвинительном заключении, были доказаны, и вердикт о виновности в государственной измене и вынесении приговора о наказании, предусмотренном советским уголовным кодексом, является вне всяких разумных сомнений, оправданным.

Согласно общему мнению дипломатов, которые чаще всего присутствовали на судебном процессе, при рассмотрении дела был установлен факт существования сильной политической оппозиции и чрезвычайно серьезного заговора, что объясняет дипломатам многие из до сих пор необъяснимых событий, произошедших в Советском Союзе в последние шесть месяцев. Единственное расхождение во мнениях, которое, по-видимому, существует, касается вопроса о том, насколько продвинулось осуществление заговора различными обвиняемыми и степени его централизации»⁹⁶.

⁹⁶ «Notwithstanding a prejudice arising from the confession evidence and a prejudice against a judicial system which affords practically no protection for the accused, after daily observation of the witnesses, their manner of testifying, the unconscious corroborations which developed, and other facts in the course of the trial, together with others of which a judicial notice could be taken, it is my opinion so far as the political defendants are concerned sufficient crimes under Soviet law, among those charged in the indictment were established by the proof and beyond a reasonable doubt to justify the verdict of guilty of treason and the adjudication of the punishment provided by Soviet criminal statutes. The opinion of those diplomats who attended the trial most regularly was general that the case had established the fact that there was a formidable political opposition and an exceedingly serious plot, which explained to the diplomats many of the hitherto unexplained developments of the last six months in the Soviet Union. The only difference of opinion that seemed to exist was the degree to which the plot had been implemented by different defendants and the degree to which the conspiracy had become centralized» (*Davies J.E. Mission to Moscow. P. 271-272*).

Подлинное значение московских открытых процессов 1936–1938 годов над бывшими большевистскими вождями, а вместе с ними и закрытого судебного процесс 11 июня 1937 года по делу Тухачевского, Якира, Уборевича и других военачальников проявилось во время Великой Отечественной войны.

При нападении на европейские страны, фашистская Германия не только применяла свои вооруженные силы, но опиралась на поддержку заговорщиков, мятежников и просто предателей внутри этих стран. Так были захвачены Чехословакия, Норвегия, Бельгия, Франция.

Планируя быстрый захват нашей страны, Гитлер и его генералы также рассчитывали получить поддержку внутри нее и даже в самой Москве. Но крупно просчитались.

25 июня 1941 года, на третий день после нападения фашистской Германии на Советский Союз, Джозеф Дэвис был приглашен на встречу со студентами в университетский клуб своей альма-матер — Висконсинского университета. Естественно, что зашла речь о судьбе нашей страны. «Что вы скажете о предателях внутри России», — спросили его. «Там их нет, — ответил бывший американский посол в СССР, — они расстреляны!»⁹⁷

⁹⁷ *Davies J.E. Mission to Moscow. P. 272–273.* Дословно Джозефа Дэвиса спросили: «What about Fifth Columnists in Russia?», он ответил: «There aren't any — they shot them».